

V. ВОССТАНИЕ САПАТИСТОВ

В мировом порядке за последнюю четверть столетия произошли значительные изменения. К 1970 году «богатый альянс» послевоенных лет начал терпеть крушение, и росло давление на прибыли корпораций. Признавая, что США больше не в состоянии играть роль «международного банкира», оказавшуюся весьма выгодной для базирующихся в США мультинациональных компаний, Ричард Никсон демонтировал международный экономический порядок (бреттон-вудскую систему), приостановив конвертируемость доллара в золото, навязав контроль за соответствием между зарплатами и ценами и налог на импорт и приняв такие фискальные меры, которые сориентировали государственную власть на новую норму благополучия для богачей. С тех пор это стало ведущим направлением политики, ускоренно развивавшимся в годы Рейгана и поддержанным «новыми демократами». Неослабевающая классовая война, развязанная большим бизнесом, непрерывно усиливалась, и притом в мировом масштабе.

Мероприятия Никсона входят в число факторов, приведших к гигантскому росту нерегулируемого финансового капитала и к радикальному сдвигу в его применении: от долгосрочного инвестирования и торговли к спекуляции. Как комментирует экономист из Кембриджского университета Джон Ит велл, результатом стал подрыв планирования национальной экономики, так как правительства были вынуждены сохранить «доверие» к рынку, и это привело множество экономик «к равновесию при медленном росте и высокой безработице», со стагнацией или падением реальной зарплаты, с растущими бедностью и неравенством и с рыночным бумом и гигантским скачком прибылей для меньшинства. Параллельный процесс интернационализации производства дает новые виды оружия для подрыва рабочего движения на Западе, ибо рабочему человеку приходится согласиться с концом «роскошного» стиля жизни и принять «гибкость рынков труда» (неизвестно, где у тебя будет работа завтра); об этом радостно разглагольствует деловая пресса. Возвращение большей части Восточной Европы к ее истокам из третьего мира существенно усиливает эти перспективы. Происходящее по всему миру наступление на права рабочих, социальные стандарты и функционирующую демократию является отражением таких побед.

Триумфальные настроения, преобладающие в узких слоях элиты, столь же понятны, как и отчаяние и гнев, царящие за пределами привилегированных кругов.

Новогоднее восстание индейских крестьян в Чьяпасе можно без труда понять в этом обобщенном контексте. Это восстание совпало с введением в силу соглашения НАФТА, названного сапатистской армией «смертным приговором» для индейцев, подарком для богатых, который будет углублять пропасть между богатством немногих и нищетой масс, а также разрушать все, что осталось от туземного общества.

Связь с НАФТА отчасти символична; проблемы гораздо глубже. «Мы продукт пятисотлетней борьбы» гласила сапатистская декларация войны. Сегодня борьба ведется «ради работы, земли, жилищного строительства, продовольствия, здравоохранения, независимости, свободы, демократии, справедливости и мира». Как добавил главный викарий Чьяпасской епархии, «реальным фоном восстания являются полная маргинализация, нищета и фрустрация от бесплодности многолетних попыток исправить ситуацию».

Индийские крестьяне наиболее обиженные жертвы политики мексиканского правительства. Но их бедствия разделяются очень многими. «Всякий, кто имеет возможность находиться в контакте с миллионами мексиканцев, живущих в крайней бедности, знает, что мы живем с бомбой замедленного действия», заметила мексиканская журналистка Пилар Вальдес.

За прошедшее десятилетие экономических реформ количество людей, живущих в крайней бедности в сельской местности, возросло почти на треть. Половине населения не хватает средств для удовлетворения основных потребностей, драматический рост нищеты наблюдался с 1980 года. Согласно предписаниям Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка, в сельскохозяйственном производстве произошел сдвиг в сторону экспорта и кормов для животных, что благоприятствовало агробизнесу, иностранным потребителям и богатым слоям мексиканского населения, тогда как недоедание стало основной проблемой здравоохранения, безработица в сельском хозяйстве увеличилась, плодородные земли были оставлены, и Мексика начала импортировать продовольствие в громадных количествах. Резко упала реальная зарплата в промышленности. Доля труда в валовом внутреннем продукте, которая возросла до середины 70-х годов XX века, с тех пор упала более чем на треть. Таковы стандартные обстоятельства, сопутствующие неолиберальным реформам. Как замечает экономист Мануэль Пастор, исследования МВФ демонстрируют «мощную и последовательную модель уменьшения доли труда в доходах» под воздействием «стабилизационных программ» этой организации, осуществляемых в Латинской Америке.

Мексиканский министр торговли приветствовал падение зарплаты как стимул для иностранных инвесторов. Так оно и есть наряду с угнетением рабочих, бесцеремонным нарушением принципов охраны окружающей среды и общей ориентацией социальной политики на желания привилегированного меньшинства. Такая политика, естественно, приветствуется промышленными и финансовыми организациями, распространяющими свой контроль на мировую экономику с помощью так называемых соглашений по «свободной торговле».

Ожидается, что НАФТА сгонит гигантские количества сельскохозяйственных рабочих с земли, что увеличит сельскую нищету и избыток рабочей силы. Ожидается, что занятость в промышленности, сокращавшаяся во время реформ, будет падать более резко. В исследовании, проведенном ведущим мексиканским деловым журналом «Эль Финансьеро», предсказывается, что за первые годы действия соглашения Мексика потеряет почти четверть своей обрабатывающей промышленности и 14 % рабочих мест. «Экономисты прогнозируют, что несколько миллионов мексиканцев, вероятно, потеряют работу в первые пять лет после начала действия соглашения», сообщает Тим Голден в «Нью-Йорк таймс». Эти процессы приведут и к дальнейшему понижению зарплаты, а вот прибыли и

поляризация будут возрастать с предсказуемыми последствиями для Соединенных Штатов и Канады.

Значительная часть притягательности НАФТА, регулярно подчеркивали его наиболее откровенные защитники, состоит в том, что это соглашение поддерживает курс на неолиберальные реформы, отменяя годы прогресса в трудовом законодательстве и экономическом развитии, а также вызывая обнищание и горе масс наряду с обогащением для немногих и для иностранных инвесторов. Мексиканской же экономике в целом эта «экономическая добродетель» принесла мало плодов замечает лондонская «Файнэншл таймс», обзревая «восемь лет рыночной экономической политики по учебнику», приведшие к незначительному росту, большую часть которого можно приписать беспрецедентной финансовой помощи Всемирного банка и Соединенных Штатов. Высокие процентные ставки частично обратили вспять грандиозное бегство капиталов, ставшее основным фактором в мексиканском долговом кризисе, хотя обслуживание долга становится растущим бременем, а наибольшая часть его внутренний долг государства мексиканским богачам.

Неудивительно, что попытки «навязать» эту модель развития натолкнулись на мощное противодействие. Историк Сет Фаин, описывая МехикоСити, сообщал о крупных демонстрациях против НАФТА, «нашедших свое выражение в громогласных, хотя и почти не замечаемых в Соединенных Штатах криках отчаяния, направленных против политики правительства, которая включает в себя отмену предусмотренных в чтимой мексиканским народом конституции 1917 года права на труд и на землю, равно как и права на образование. По мнению многих мексиканцев, именно отмена этих прав и выражает реальный смысл договора НАФТА и американской внешней политики в Мексике». Корреспондентка «Лос-Анджелес таймс» Хуанита Дарлинг сообщает о «значительном беспокойстве, которое мексиканские рабочие испытывают в связи с постепенной отменой «с большим трудом завоеванного права на труд». Как добавляет корреспондентка «Лос-Анджелес таймс», это право, по всей видимости, «будет принесено в жертву, поскольку компании, пытаясь конкурировать с иностранными, ищут пути, которые позволили бы им урезать расходы».

«Коммюнике мексиканских епископов по НАФТА» осудило это соглашение, равно как и экономическую политику, частью которой оно является, из-за их пагубных социальных последствий. Епископы в который уже раз выразили ту же озабоченность, что и конференция латиноамериканских епископов 1992 года относительно того, что «рыночная экономика не должна стать чем-то абсолютным, чтобы все приносилось ей в жертву, усугубляя при этом неравенство и маргинализацию обширной части населения», являющихся возможным следствием влияния НАФТА и аналогичных соглашений о правах инвесторов. Реакция мексиканского делового мира оказалась смешанной: наиболее могущественные слои бизнеса отнеслись к соглашению с одобрением, тогда как отношение среднего и малого бизнеса, а также их организаций, представляло собой смешанное чувство неуверенности и враждебности. Ведущий мексиканский журнал «Эксельсиор» предсказал, что от НАФТА получают выгоду лишь «те мексиканцы, которым теперь принадлежит чуть ли не вся страна (15 % получают более половины ВВП)», то есть «демексиканизированное меньшинство»; что НАФТА станет очередным этапом «истории Соединенных Штатов в нашей стране», «истории неконтролируемых злоупотреблений и ограбления». Этому

соглашению противостояли также многие рабочие и иные группы, в том числе крупнейший неправительственный профсоюз, которые предупреждали о том пагубном влиянии, которое это соглашение окажет на уровень заработной платы, права трудящихся, окружающую среду, на утрату суверенитета, на усиление защиты прав корпораций и инвесторов, и на подрыв возможностей долговременного роста. Омеро Ариджис, президент ведущей мексиканской организации по охране окружающей среды, сетовал на «третье завоевание, которое пережила Мексика. Первое было вооруженным, второе духовным, третье экономическим».

Потребовалось не так уж много времени, чтобы эти страхи сбылись. Вскоре после голосования в Конгрессе по поводу НАФТА с заводов «Ханивелл» и «Дженерал электрик» были уволены рабочие за попытку организовать независимые профсоюзы. В 1987 году компания «Форд мотор» уволила всех, отменив контракт с профсоюзом и вновь наняв рабочих за гораздо более низкую зарплату. Протесты были подавлены насильственными репрессиями. Этому примеру последовал «Фольксваген» в 1992 году, уволив 14000 рабочих и вновь наняв лишь тех, кто отрекся от независимых профсоюзных лидеров, и все это при поддержке правительства. Таковы основные компоненты «экономического чуда», то есть «замкнутости» в пределах НАФТА.

Через несколько дней после голосования по НАФТА Сенат США принял «наилучший антикриминальный пакет законов в истории» (сенатор Оррин Хетч), проголосовав за 100000 новых полицейских, региональные тюрьмы с высоким уровнем безопасности, колонии для малолетних правонарушителей, увеличение списка преступлений, караемых смертной казнью, и прочие жестокие вещи. Специалисты по проведению законов в жизнь в своих интервью в прессе выразили сомнения в том, что такое законодательство окажет большое воздействие на преступность, поскольку в нем не рассматривались «причины социальной дезинтеграции, порождающие опасных преступников». Основной причиной здесь является социальная и экономическая политика, поляризующая американское общество и продвинутая еще на шаг вперед соглашением НАФТА. Понятия «эффективность» и «экономическое здоровье», предпочитаемые богатыми и привилегированными, ничего не дают растущим слоям населения, не имеющим отношения к получению прибылей и доведенным до нищеты и отчаяния. Если их деятельность невозможно ограничить городскими трущобами, их следует контролировать каким-нибудь другим способом.

Как и в случае с выбором времени для сапатистского бунта, законодательная инициатива имела не только символическое значение.

Дебаты по НАФТА в значительной степени концентрировались на процессах перемещения рабочей силы, о которых мало что известно. Однако более конфиденциальные ожидания [большого бизнеса] были связаны с широкомасштабным замораживанием заработной платы. «Многие экономисты полагают, что НАФТА приведет к снижению заработной платы», сообщил в «Вашингтон пост» Стивен Перлстайн, ожидавший, что «более низкая зарплата в Мексике сможет оказать гравитационное воздействие на зарплату американцев». Этого ожидают даже защитники НАФТА, признающие, что менее квалифицированные рабочие около 70 % рабочей силы вероятно, пострадают от снижения зарплаты. На следующий день после голосования в Конгрессе, одобрявшего НАФТА, «Нью-Йорк таймс» провела свой

первый обзор ожидаемых последствий договора в нью-йоркском регионе. Обзор был оптимистичным, что соответствовало повсеместной восторженной поддержке. В центре его внимания были предполагаемые выигравшие: секторы, «основанные на финансах и околофинансовые», «банки, телекоммуникационные фирмы и обслуживающие фирмы этого региона», страховые компании, инвестиционные фонды, юридические фирмы, специализирующиеся на корпоративном праве, PR-индустрия, консультанты по менеджменту и т. д. В обзоре прогнозировалось, что могут выиграть некоторые производители преимущественно в высокотехнологичной промышленности, издательском деле и фармацевтической индустрии, которые получают выгоду от протекционистских мер, нацеленных на обеспечение контроля над технологией будущего со стороны крупнейших корпораций. Мимоходом в обзоре упоминалось, что будут и проигравшие, «в основном, женщины, афроамериканцы испаноязычные», а также «полуквалифицированные промышленные рабочие вообще», то есть большая часть населения города, где 40 % детей и так живет ниже черты бедности, страдая от невозможности получить образование и болезней, которые «привязывают их» к горькой судьбе.

Отмечая, что у промышленных и неквалифицированных рабочих зарплата упала на уровень 60-х годов XX века, Бюро по технологической оценке при Конгрессе в своем анализе запланированной (и осуществленной) версии НАФТА предсказывало, что это соглашение «может и в дальнейшем привязывать США к будущему с низкими зарплатами и низкой производительностью», хотя его пересмотренные варианты, выдвинутые ОТА, рабочими и прочими критиками так и не допущенными до дебатов могли принести выгоду населению всех трех стран.

Осуществленная версия НАФТА, вероятно, ускорит «желанный процесс необыкновенной важности» («Уолл-стрит джорнэл»): доведение стоимости труда в Соединенных Штатах до уровня ниже любой крупной индустриальной страны, за исключением Англии. В 1985 году США занимали наивысшую позицию среди семи крупнейших стран с государственно-капиталистической экономикой (G7), как и следовало ожидать от богатейшей страны мира. В более интегрированной экономике НАФТА окажет влияние на весь мир, так как конкурентам придется к нему приспособляться. Так, «Дженерал Моторс» может переехать в Мексику, а теперь и в Польшу, где эта компания в состоянии найти рабочих, готовых работать за заработную плату, которая по сравнению со стоимостью труда на Западе представляет собой гроши; кроме того, в этих условиях она может быть защищена высокими тарифами и прочими ограничениями. «Фольксваген» может переселиться в Чешскую республику, чтобы извлекать выгоду от аналогичного протекционизма: получать прибыли, а расходы перекладывать на правительство. «Даймлер-Бенц» может устроить нечто подобное в Алабаме. Капитал способен свободно передвигаться, а от последствий страдают рабочие и сообщества. Между тем, гигантский рост нерегулируемого спекулятивного капитала мощным давлением препятствует стимулирующей политике правительства.

Существует много факторов, влекущих глобальное общество в будущее с низкой зарплатой, медленным развитием и высокими прибылями, с растущей поляризацией и социальной дезинтеграцией. Другое последствие [процесса корпоративной глобализации] это увядание осмысленных демократических процессов принятия решений, ибо принятие решений

